

*Всем девушкам, которые спаслись.
И всем тем, кто еще только учится спасаться.*

ПРЕЛЕСТНОЕ
СОЗДАНИЕ

Элизабет Вайолет Харгривс — в новеньком голубом платье, со светлыми локонами, аккуратно подвязанными лентами, — сбежала по лестнице. Ей не терпелось показать маме и папе, какая она хорошенькая, хотя нетерпение и не помешало ей потратить пару минут, чтобы покрутиться перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон и восхищаясь собственной прелестью. Прервалась она, только когда горничная Дина сказала, мол, хватит уже, пора спускаться, а то она, чего доброго, пропустит завтрак.

Пропускать завтрак Элизабет совсем не хотелось. Поесть — к немалому огорчению ее матери — она любила и всем трапезам предпочитала именно завтрак. По утрам на столе всегда стояли баночки с джемом и сахарница, и Элизабет никогда не упускала случая шлепнуть на свой тост лишнюю ложечку джема или стянуть еще один кусочек сахара.

Мать, поймав ее на этом, непременно зашипела бы, по своему обыкновению, как змея, и заявила бы, что если Элизабет продолжит в том же духе, то станет совсем круглой, еще толще, чем сейчас. Но полнота не смущала Элизабет. Она считала, что пухленькой выглядит мягкой и милой, — и предпочитала быть именно мягкой и милой, а не жесткой и резкой, как мать.

Конечно, Элизабет считала маму красивой — или, скорее, красивой там, за всеми ее гранями и углами. У нее были такие же светлые волосы, как у Элизабет, длинные и густые. Когда мать распускала их на ночь, они ниспадали колышущимися волнами до самой ее талии. Некоторые волны отливали серебром, но Элизабет совсем не думала, что мама старая, правда, и серебристые блики на ее прядях выглядели просто чудесно.

И глаза у Элизабет были материнские — ясные, синие. Но раньше мама много смеялась, и тогда в уголках ее глаз появлялись тоненькие морщинки. А сейчас между бровей ее залегла одна глубокая вечная морщина, и Элизабет даже не помнила, когда мама смеялась в последний раз.

«Нет, это неправда», — мысленно упрекнула она себя. Она *помнила*, когда мама смеялась в последний раз. Это было до Того Дня.

«Тот День» — так Элизабет называла день, когда она, спустившись к завтраку, обнаружила сидящего за столом отца, выглядевшего так, словно он за минуту состарился лет на двадцать. Он посерел, как зола в камине. Перед ним лежала свежая утренняя газета.

— Папа? — окликнула его Элизабет, но отец не услышал.

Она осторожно подошла поближе и увидела заголовок:

«ПОЖАР В ГОРОДСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ.

Выживших нет — ужасающие рассказы потрясенных очевидцев».

Под кричащими строчками были фотографии: лечебница до и после пожара. Элизабет уставилась на картинку «до». Ей показалось, что здание смотрит на нее в ответ, как будто что-то дрожит, колышется под его стенами, желая вырваться, схватить ее и за-тащить внутрь.

— Элизабет! — Папа поспешно сложил газету и отодвинул хрусткие листы в сторонку. — Что, моя дорогая?

Она кивнула на стоящую перед ним еду:

— Завтрак. Мама уже поела?

— Н-нет, — ответил папа. — Мама неважно себя чувствует. Она еще спит.

Странно, ведь Элизабет, спускаясь по лестнице, определенно слышала мамин голос. Но папа сейчас явно о чем-то размышлял (так всегда говорила мама: «Папа Размышляет, Элизабет, Не Беспокой Его»), поэтому, возможно, он и забыл, что мама уже была здесь.

Элизабет забралась на свое место, прикрыла, как полагается, колени салфеткой, разгладила ее и стала ждать, когда Хобсон ее обслужит.

И едва дворецкий выступил вперед, попросила:

— Яйца и тост, пожалуйста, Хобсон.

Слуга кивнул, снял с блюда крышку, и Элизабет заметила, как трясется его рука, накладывающая большой серебряной ложкой на ее тарелку яичницу. Потом он взял щипцами два кусочка хлеба с подставки для гренок и положил тосты рядом с яйцами.

— Джем, мисс Алиса? — Хобсон протянул Элизабет баночку.

— *Не* Алиса, — прошипел папа сквозь стиснутые зубы, и голос его был так резок, что Элизабет даже подпрыгнула. — Элизабет.

Хобсон поднес дрожащую руку к лицу, и Элизабет с удивлением увидела, что он смахнул слезу.

— Хобсон, с тобой все в порядке? — спросила она.

Старый дворецкий ей нравился. Он всегда припасал для нее пару кусочков сахара — прятал их в носовом платке — и затем тайком передавал ей за обедом.

— Да, мисс Ал... Элизабет, — твердо заявил он. — Со мной все в полном порядке.

Он поставил джем возле чашки Элизабет и, отступив, встал у стены за спиной папы. Элизабет, хмурясь, наблюдала за ним.

— Папа, кто такая Алиса? — спросила она.

— Никто, — отрезал папа своим голосом «Без Разговоров!». — Думаю, Хобсон просто о чем-то задумался.

Однако Элизабет рискнула послушаться отцовского предостережения:

— Тогда почему ты так рассердился, когда он сказал «Алиса»?

Странное у папы стало лицо, какое-то мучнисто-пятнистое, и он словно с натугой глотал слова, пытающиеся вырваться у него изо рта.

— Тебе совершенно не о чем беспокоиться, Элизабет, — выдавил он наконец. — Завтракай. Приятного аппетита. Бери побольше джема, если хочешь.

Элизабет переключила внимание на тарелку, довольная разрешением вволю наесться джема. Конечно, она была не настолько глупа, чтобы не понимать: папа

пытался ее отвлечь. Хотя, вообще-то, джем стоил того, чтобы отвлечься.

Честно говоря, она и впрямь чуть не забыла о Присутствии за Завтраком, только вот позже, поднимаясь за книгой, услышала какой-то приглушенный шум в материнской спальне. Элизабет наклонилась, прижала ухо к замочной скважине и прислушалась.

— Алиса, Алиса, — повторяла мама, и голос ее звучал так, словно она плачет.

— Алиса, — пробормотала Элизабет себе под нос и припрятала это имя в тайники памяти. Оно что-то означало. Никто не хотел, чтобы она знала, что именно, но означало оно что-то определенное.

Элизабет не знала, почему сейчас, спускаясь по лестнице в своем новом прелестном платье, вспомнила о Том Дне. Тот День был странным, сбивающим с толку, и все взрослые в доме разговаривали приглушенными голосами.

Ее старшая сестра Маргарет даже приехала с другого конца Города в экипаже, чтобы побеседовать с родителями в гостиной, а Элизабет в недвусмысленных выражениях приказали отправляться в свою комнату и оставаться там, пока длится это их несомненно интересное совещание.

Маргарет была намного старше Элизабет, на целых двадцать лет, и у нее самой уже подрастали две дочки. Девочкам было девять и десять. Элизабет — девять, но им приходилось называть ее «тетя Элизабет», и ей, чего скрывать, нравилось пользоваться авторитетом, приложенным к званию тети. Как тетя она могла указывать, во что именно играть, и они слушались, а если

не слушались, Элизабет могла отчитать их, не навлекая на себя неприятности.

Они увидят Маргарет, ее мужа Даниэля (который всегда называет ее «сестрица Элизабет» и смешно щекочет ей щеки своими усами) и их девочек сегодня, в День дарения. Все городские семьи соберутся на Большой площади, чтобы их дети получили подарки от Отцов Города.

В прошлом году Элизабет заметила: некоторые семьи — и даже ее собственный папа — тоже дают Отцам Города что-то взамен. Что именно, она сказать не могла, поскольку лежало оно в запечатанных конвертах.

Элизабет задержалась у двери в столовую, чтобы удостовериться, что папа и мама там — ей хотелось торжественно появиться перед ними и услышать, как они оба охают, и ахают, и восхищаются ее великолепием. Сейчас родители негромко переговаривались, передавая друг другу джем и масло.

Величаво шагнув в комнату, Элизабет застыла у самой двери, театрально придерживая пальчиками расправленный подол платья. Мама еще не видела этого наряда, потому что в магазин за ним Элизабет ходила вместе с Диной. Элизабет хотелось удивить всех, сделать сюрприз. И, конечно, ее волосы никогда не лежали так красиво, как сейчас. Нынче утром Дина расчесала их особенно тщательно.

— Та-дам! — воскликнула Элизабет, ожидая аплодисментов.

Но мама не захлопала в ладоши. Мама ахнула и выдохнула:

— Алиса!

Папа побагровел, тут же мгновенно побелел и, глядя на маму, сказал, словно предупреждая:

— Алтея!

Мама зажала ладонью рот, и Элизабет услышала сдавленные всхлипы, просачивающиеся между ее пальцами.

«Опять Алиса», — подумала Элизабет. На сей раз имя вызвало у нее не столько любопытство, сколько раздражение. Кто такая эта Алиса, чтобы красть триумф Элизабет? Где все причитающиеся ей охи и ахи?

— Что такое, мама? — спросила она. — Разве ты не считаешь, что я очень хорошенькая в этом новом платье?

Папа надолго приткнулся к чашке, сделал огромный глоток и со стуком поставил ее на блюдечко. Потом раскинул руки навстречу Элизабет, и та, подойдя, взобралась к нему на колени.

— Конечно, ты выглядишь замечательно, сладенькая. Никогда еще я не видел столь прелестного создания. — Он подмигнул дочке. — Кроме твоей мамы, конечно. А ты — просто ее копия.

Элизабет гордо улыбнулась через стол маме, которая, кажется, изо всех сил старалась взять себя в руки. Она смотрела на Элизабет так, точно та была привидением, а не ее собственной дочерью.

— Ты тоже очень хорошенькая, мама, — смилостивилась Элизабет.

Мама действительно выглядела чудесно в своем белом платье, том самом, которое всегда надевала на День дарения. Это платье, самое красивое из всех, никогда не вынимали из шкафа, кроме одного-единственного,

особого дня в году. Обычно мама носила его с розовым поясом, но сегодня пояс на ней был синий, чуть темнее голубого платья Элизабет. Интересно, а что случилось с розовым?

— Элизабет сказала, что ты хорошо выглядишь, Алтея, — сказал папа.

Произнес он это так, словно, разговаривая с ребенком, напоминал ему о хороших манерах. Элизабет никогда не слышала, чтобы папа обращался к маме таким образом.

Мама зажмурилась, судорожно вздохнула — и снова открыла глаза. Странное выражение не совсем исчезло с ее лица, но теперь она все-таки больше походила на маму.

— Спасибо большое, Элизабет, — сказала мама. — Ты в этом платье очаровательна.

Если бы мама произнесла это своим обычным голосом, Элизабет просто раздулась бы от гордости, но голос мамы звучал совсем не обычно. Он был напряженным и жестким, и мама определенно не имела в виду то, что сказала. Элизабет знала это наверняка.

— Почему бы тебе не позавтракать? — спросил папа и поцеловал дочку в макушку, давая понять, что ей пора уже спрыгнуть с его коленей и отправиться на свое место.

Так она и сделала, хотя бóльшая часть сегодняшней радости уже улетучилась. Ну что ж, возможно, ее платье похвалят Даниэль и Маргарет, когда приедут.

«И все же, — думала Элизабет, размазывая по тосту щедрую порцию джема, — я должна выяснить, кто такая Алиса».

Элизабет уже надоело, что эта Алиса постоянно портит ей хорошие дни.

После завтрака она отправилась в сад подождать прибытия Маргарет, Даниэля и племянниц.

— Смотри, не испачкай платье, — сказала мама. И голос ее звучал почти нормально.

Стоял самый разгар цветения роз — пышные, красные, они источали густой аромат, навевающий мечты и дремоту. Мама любила свои розы, никогда не подпускала к ним садовника и ухаживала за ними сама.

И, конечно, розы были жемчужиной этого сада, превосходя роскошью все другие цветы. Георгины и тюльпаны рядом с мамиными розами выглядели грустными сокрушенными солдатыками, потерпевшими поражение.

Элизабет пробралась в свое любимое местечко в саду — в укромный уголок под одним из розовых кустов, где могла спокойно сидеть, зная, что ее никто не заметит и не потревожит. Место было идеальным еще и потому, что между ее волосами и цепкими шипами роз оставалось вполне достаточно свободного пространства. Куст укрывал девочку очень хорошо, и никто бы в жизни не догадался, что она там, и ни в коем случае не увидел бы ее, не подойдя вплотную.

Хотя будь она немного повыше, то уже бы не влезла сюда, размышляла Элизабет. Она чуть подросла за последний год — не слишком, хотя и надеялась стать когда-нибудь такой же высокой, как папа. Мама у нее стройная, хрупкая и не очень высокая, пусть и выше большинства соседей, заходящих порой на послеобеденный чай.

Элизабет хотела иметь длинные ноги и руки, хотя и подозревала, что с ростом она отчасти потеряет свою округлость.

«Что ж, — подумала она, — не так уж и велика цена за то, чтобы быть высокой». И, конечно, если съесть достаточно торта, то всегда можно снова стать такой пухленькой, как ей нравится. По крайней мере, мама, похоже, винит в полноте дочери ее любовь к сладостям. Но, может, это и неправда. Может, Элизабет просто от природы такая.

Элизабет очень хотелось стать выше всех мальчишек на улице. Хотелось величественно взирать на них сверху вниз, чтобы они съеживались под ее взглядом. Тогда, может, они не будут говорить всякие грубости о ее лице, и пухлых руках, и толстых бедрах. То, что она такая, не беспокоило ее до тех пор, пока ей не говорили что-нибудь эдакое. Хотя и тогда она беспокоилась только потому, что чувствовала, будто должна беспокоиться, а не потому, что ей становилось плохо.

Ну, почти.

Кроме того, только беднякам в Старом городе надлежало быть очень худыми. Элизабет видела, как некоторые из них прижимаются к решетке ограждения, когда экипаж ее родителей пересекает границу. Эти люди выглядели такими бледными, и тощими, и отчаявшимися, что Элизабет хотелось остановить коляску и раздать несчастным все свои карманные деньги.

Однажды она сказала это родителям, и отец усмехнулся:

— Благотворительность — это замечательно, Элизабет, но любые деньги, которые ты дашь этим существам, канут в бутылку. Не позволяй сочувствию ввести тебя в заблуждение.

Элизабет не поняла, что хотел сказать папа этим своим «канут в бутылку», поэтому позже спросила Дину, и Дина ответила, мол, так говорят о тех, кто пьет слишком много спиртного.

— А жители Старого города, они все бездельники, пьяницы и убийцы, насчет этого твой отец прав, — заявила Дина, расчесывая Элизабет волосы. — Ни к чему тебе о них беспокоиться.

Ее слова тогда показались Элизабет очень жестокосердными, но подобное говорили все взрослые, так что, наверное, это правда.

В укромный уголок Элизабет впорхнула маленькая оранжевая бабочка, на секунду опустилась на ее колено, хлопнула крылышками, словно дружески приветствуя девочку, и вновь улетела.

Красный лепесток слетел с куста и упал в точности на то же самое место, где только что сидела бабочка.

«Как бы мне хотелось, чтобы роза тоже была бабочкой, красивой красной бабочкой с крылышками, словно рубины».

Она пожелала этого — и, конечно, поэтому так и стало.

Лепесток начал расти, разделился надвое, миг — и вот уже на колене Элизабет сидит, поводя усиками, прелестная яркая бабочка с крыльями размером с ладошку Элизабет.

Элизабет вовсе не удивилась. Ее желания имели свойство сбываться, хотя для этого ей нужно было

захотеть чего-то по-настоящему. Если бы она лениво протянула, мол, хочет мороженого, мороженое не появилось бы просто потому, что она так сказала.

Кроме того, желания сбывались чаще, когда она мечтала под розами, хотя Элизабет и не знала, почему это так. Возможно, потому, что заботилась о цветах, вкладывая в них свою любовь, ее мама, а не садовники, которые в любое время дня только и думали о перекусе.

Элизабет осторожно пересадила бабочку с колена на ладонь. Бабочка и не думала улетать.

— Но бабочки должны летать, — сказала Элизабет. — Дома их не держат.

«Только если у них не оторваны крылышки».

Девочка в недоумении огляделась. Это был вовсе не ее голос. Это произнес кто-то другой.

«Кто-то ужасный, — подумала она. — Кто же станет отрывать крылья бабочке?»

«Завистливая Гусеница, которой никогда не взлететь», — ответил голос.

— Это ты — Завистливая Гусеница? — спросила Элизабет.

Она не понимала, откуда исходит голос, но звучал он определенно не в ее голове, как она сначала подумала. Это успокаивало, потому что Элизабет была достаточно взрослой, чтобы знать: слышать чужие голоса свойственно лишь сумасшедшим.

«Я?» — Вопрос, видимо, сильно удивил голос. В этом коротком звуке Элизабет даже послышался смех. — *О нет, нет, вовсе нет. Я ничему и никому не завидую, потому что я тот, кто хранит истории, а истории куда*